

ТОТЕМИЗМ

ГАСПАР РАМБЛЕ

18+

Гаспар Рамбле

Тотемизм

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Гаспар Рамбле

Тотемизм / Гаспар Рамбле — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Основная особенность повести заключается в том, что ее главные действующие лица, по замыслу автора, безымянны и бесполы, каким, в сущности, является почти каждый человек. Читатель сам вправе определить для себя не только внутренние характеристики персонажей, но и их внешние признаки. Во всякое время найдется некое «я», влюбленное в «тебя», неважно, кто окажется сильнее и чьи слабости заставят совершать настоящие поступки.

Содержание

К читателю	5
I	6
II	13
III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

К читателю

Трудность чтения этой повести заключается в том, что ее главные действующие лица по замыслу автора безымянны и бесполы, каким, в сущности, является почти каждый человек, если рассматривать его, не отталкиваясь от физической оболочки, а воспринимать как личность или душу. Читатель сам вправе определить для себя не только внутренние характеристики персонажей, но и их внешние признаки. Во всякое время найдется некое «я», влюбленное в «тебя», неважно, кто окажется сильнее и чьи слабости заставят совершать настоящие поступки. Люди полны слабостей, которые прячутся за тотемами. Двенадцать глав книги – двенадцать месяцев жизни – двенадцать тотемических животных китайского гороскопа. Человек подчиняется и другим необъяснимым силам: страху, болезни, ветру и... любви.

Так распорядился случай, что в героях книги мне довелось узнать себя. Автор – мой когда-то хороший знакомый. Однажды меня постигло глубокое разочарование. В саду, где мне назначил встречу чрезвычайно приятный собеседник, мною под одним из юных яблоневых деревьев была обнаружена толстая тетрадь, распахнутая на весьма легкоузнаваемых событиях. Эта тетрадь петляла словами, аккуратно выводя мою жизнь. Почерк принадлежал исчезнувшему навсегда из поля моего зрения человеку, который, кстати, так и не явился на свидание.

Теперь я не знаю, кто из нас двоих реально существовал. Кто любил, а кто был лишь болен. Кто терял и приобретал, а кто постоянно имел и жадно берег или, в зависимости от настроения, халатно разбрасывался богатством, которым так и не научился дорожить. Кто унижен, а кто герой. Кто смог, а кто так и остался слабым потребителем собственных тотемов.

Как я никогда не узнаю, кто из нас вымышленный персонаж, так никогда не поверю, что нас двое.

Здесь все слишком хорошо закончилось. В жизни так не бывает. Значит, это все вымысел!
А жизнь разве реальна?

I

Бык в этом месяце разъярен. Не стоит надеяться на изменения в личной жизни к лучшему. Опасность подстерегает автолюбителей, будьте предельно внимательны на дорогах. Умиротворение найдете в компании друзей. Благоприятно скажутся на настроении кратковременные поездки.

Здесь мы знакомимся с действующими лицами повести, узнаем немного об их внешности, привычках и заботах. Выясняем, что двое живут в городской квартире, а Черепаха – в психиатрической лечебнице в поселке Лугово, некоторые жители которого сыграют не последнюю роль в судьбах персонажей. Глава закончится, когда случится страшное.

Шумная городская железнодорожная станция женским голосом объявляла:

– Внимание. Во избежание террористических актов просим вас соблюдать бдительность. Не оставляйте вещи под присмотром малознакомых людей. При обнаружении подозрительных предметов просьба незамедлительно обращаться к работникам вокзала.

– Билет до Лугово, – перекрикивал разговоры бывших и будущих пассажиров мой голос.

– Отправление поезда в четырнадцать тридцать двадцать восьмого мая. Счастливого пути! – улыбнулась кассир.

В маслянистом от отпечатков пальцев стекле вокзальной двери отражалась знакомая фигура. Среднего роста, молодая сутулость из-за пассивного образа жизни, неоднородно торчащие в стороны волосы, рассеянный взгляд, на одно плечо накинута куртка, на другом вздулся рюкзак – вот что мне удалось рассмотреть в человеке, который родился чуть больше двадцати лет назад. От скуки придумалось занятие: перекачивание веса тела с носков ботинка к каблучным пяткам. Когда задирались носки, голова чуть наклонялась назад, когда же приподнимались пятки – вперед. От таких движений менялся весь образ. Он то превращался в двухметровый столб с вытянутой головой, то становился похожим на тюфяк, наскоро набитый сырыми опилками. Ожидающие прибытия поезда забавлялись невольным наблюдением за моей простенькой игрой. Весна и ее запах сливались с вокзальными углами, урнами для мусора и туалетом. Это не мешало ей раздавать приглашения в лето. Люди охотно соглашались, чему-то радовались, человеческая злость ушла вместе с зимой. Меня тоже ошарашило незваное счастье. Оно зелеными глазами смотрело в стекло. Объявили мой поезд, улыбка не сдержалась, рука помахала отражению, и оно ответило. За стеклом мужчина читал газету. Он оглянулся и, не увидев никого, кому можно оказывать знаки внимания, хихикнул и кивнул.

Через сто двадцать минут меня ждали в тихой и правильной психиатрической больнице. Ее основал Потапов Алексей Николаевич, профессор, который применял индивидуальные методы лечения. Он выбирал самых безнадежных больных и, как говорили авторитетные врачи, попусту тратил на них время. Среди большого числа особо буйных пациентов встречались те, кто доверял психиатру личные тревоги и сомнения и находился там для поправки здоровья валерьяновым настоем, как в санатории. Такие клиенты, чтобы получить разрешение доктора на пребывание в лечебнице, переводили значительные суммы на счет фонда детей, страдающих шизофренией. В одной из платных палат, наведаться в которую я собираюсь, лечили Черепаху. Это прозвище никогда не воспринималось с обидой, наоборот, всех веселило.

– Хоть как-то меня называешь, – цедишь сквозь кривые черные зубы. – Никто, кроме родителей, не хочет со мной общаться. Все кидаются в стороны, когда я подъезжаю. Даже сумасшедшие.

– Это очень удобно. Никому ничего не надо объяснять. В отношениях рождаются чувства.

Несколько месяцев назад я и Черепаха-изобретатель сконструировали странный агрегат. Чтобы не находиться взаперти и не просить лишний раз о помощи, приходилось изощряться и придумывать хитрые вещи, упрощать ими себе жизнь. Мы возились около недели. Алексей Николаевич специально выделил нам заброшенный сарай. Будучи непрофессиональными инженерами, первую конструкцию мы развалили на не продлившемся и пяти минут испытании. Приступая ко второй, воспользовались советами всех, кто их давал. Детали собирались с усердием, именно оно и помогло получить превосходный результат. Транспортное средство совмещало в себе привычную инвалидную коляску, полку для книг и журналов, мольберт с красками и мини-холодильник с водой и запасом еды. Это дом. Все необходимое передвигалось вместе с пассажиром. Так и приклеилось к изобретателю новое имя – Черепаха.

Население в самом поселке Лугово, кроме больных, составляло двадцать пять жителей или около того. Они благополучно работали на молочной ферме, которая всю произведенную первоклассную продукцию сбывала по невысоким ценам в больницу. Уже с утра работа кипела. Две сестры-дойрки тискали телок в коровнике. Катя и Маша вечно бессмысленно тараторили и, прежде чем ответить на чей-либо вопрос, рассказывали подробности своей жизни. Они жили вместе в одном доме, видели друг друга все время, пока не спали, и к удивлению, сестры с легкостью находили предмет для обсуждения.

Настоящим героем поселка слыл лесоруб по призванию и ветеринар по профессии Аким. Смеющиеся глаза, короткая седая борода и жилистые руки четко рисовали положительный пример для подражания немногочисленным жителям. После осмотра скота на ферме он шел в лес и с криком валил деревья. От него всегда вкусно пахло хвоей и древесиной. В его распоряжении находились удивительные истории на любой случай. Он страшно притягивал. Женой так и не обзавелся. Говорили, что до армии он любил одну девушку. А потом получил письмо, где его родственники сообщали ему, что она погибла при пожаре. Тогда горели сосны. Последнее время к Акиму заезжал красный спортивный автомобиль. Жители поселка видели лишь черную шпильку дорогой туфли, которая показывалась из-за двери со стороны водителя. Это поросло живописной легендой, белой завистью и перешептываниями. Втайне все надеялись вскоре погулять на чужой свадьбе.

Владельцем и одновременно работником фермы значился приятный старик, напоминавший упитанного Деда Мороза. Его так и звали. Дед Морозов. Кирилл, единственный внук, который не сбежал в город, во всем служил ему верным помощником. Когда Кирюше исполнилось восемнадцать лет, одной из его обязанностей стала доставка молокопродуктов в больницу дважды в неделю. Скрипучий автомобиль с огромным кузовом носил на боках наклейки известных фирм. Разные цвета рекламировали все, даже запрещенные товары, только не коровник. Этот долговязый крепкий парень постоянно держал при себе фотокамеру, которую дед подарил на его пятнадцатилетие. Когда босым еще Кирюша резвился на лугу, падал, потому что поскальзывался на свежих коровьих лепешках, его радовали яркие краски, окружавшие его. После нескольких удачных снимков он понял, что зрачок воспринимает все совсем по-другому, а металл и целлулоид никогда не смогут передать всего, что дано человеку чувствовать. Редко он замечал новое в родных местах, а когда что-то случалось, доставал счетчик мгновений и после всем дарил этот миг.

Население Лугово моложе тридцати лет хваталось за любую возможность уехать в город. Не имея сверстников для общения, Кирилл проводил большую часть времени на ферме или ходил в гости к Акиму. Среди всех средневозрастных пациентов клиники легко было обратить внимание на Черепаху, пациента примерно двадцати лет. Молочный курьер нередко заглядывал поболтать, пока заведующий принимал товар, взвешивал его и отсчитывал деньги. Так они познакомились и сблизились, почти став настоящими друзьями.

За дверь комнаты Черепахи мне слышалось несколько голосов. Пришел Кирилл:

– Смотри, эта тетя носит панталоны! – раздался хохот Черепахи.

– И калоши на несколько размеров больше! Возомнила себя кокеткой – получила по заслугам!

– Что за смех? – Мои брови поднялись в вопросе, а искренняя радость за веселость Черепахи растянута улыбкой.

– Вот так неожиданность! – приветливо озарилось лицо Черепахи. – Заходи! Ты вовремя. Представляешь, вчера Кирилл проезжал мимо луга, где стадо пасется, и сфоткал танцы бычка и тетеньки с фермы. Вот посмотри. – Черепахина рука протянула мне снимки. На одном из них молодой бык вертел полную женщину на рогах.

– Она сильно пострадала?

– Пару ссадин, доктор ее осматривал. А впечатлений на всю жизнь!

– А как получилось, что он на нее напал?

– Она, видимо, попросила его о чем-то. Он, не раздумывая, согласился. Но ей же сначала цветы, конфеты... – выдал сквозь смех Кирилл.

– Танцы подавай, вот он ее и пригласил, – шумно острили друзья.

– Животные все понимают прямо, без подводных мыслей. Это люди придумали все усложнять. Сначала воздвигают препятствия, а потом ломают голову, над способами их преодоления! – не унималась логика Черепахи.

– У них нет чувств, зато есть инстинкты. Первые постоянно обманывают, вторые помогают, – добавил Кирилл.

– Этим и отличается человек от животных. И мне это нравится!

– Больно иногда бывает, – встряло мое бормотание.

– Учись терпеть, – сказал Кирилл.

– А ты уже терпишь? Или пока радуешься? – Голова Черепахи повернулась в мою сторону.

– Я изо всех сил хочу продлить радость. Чего и тебе желаю.

– Как же поживает твоя радость?

– Прекрасно. Наслаждаемся короткими моментами общества друг друга.

– Снова меняет тебя на работу?

– Пусть так и будет, работа и я – два удовольствия.

– Что, удовольствие, чай пить будешь? Кирилл конфет привез.

– Давай.

– Оля, где ты?

Появилась сухая Ольга. В Черепахином детстве она служила няней, учила считать и читать, даже английский преподавала. Тогда ее нашли по объявлению Черепахины родители и полностью свалили ребенка под ее опеку. Все ее воспринимали как наемную силу, которой платили деньги за хорошее выполнение работы. Иногда чадо срывало на ней зло и било подручными предметами. Она терпела и потакала инвалиду, которого любила и жалела всем сердцем. Личная жизнь у нее не сложилась, родственники давно умерли, а домом она называла многочисленные больницы, в которые помещали Черепаху близкие, чтобы оградить себя от избалованного поведения.

Всего одну неделю не было Ольги рядом, но, по рассказам, этот период обозначился самым грустным в жизни Черепахи: она серьезно простудилась, и ее отправили на загородную дачу семейства, чтобы никого не заразить. С папиным водителем передавались ей несколько раз цветы и фрукты от Черепахи. Каждую посылку сопровождала открытка. Разноцветные фломастеровые буквы сообщали, что скучают, и желали скорейшего выздоровления. Чувствовалась искренность. Ольга оставалась единственным человеком, кто ни за что не предал бы. Благодаря ей мы познакомились ранней весной. Шел скользкий дождь. Мне куда-то пред-

стояло срочно доехать, а попытки поймать такси не принесли результата. Ольга проезжала мимо с водителем отца Черепахи и уговорила его подвезти меня. Пока машина беззвучно перемещала нас по блестящим улицам к нужному месту, мы много болтали. Сначала о мелочах, потом приятно обсудили лето, в конце концов, она пригласила меня в гости, обещала познакомить с интересным человеком. Написала на лощеной бумажке адрес. Когда прощались, в ее глазах промелькнула скромная вера, оправдать которую мне непременно захотелось. В один из скучнейших дней появилось желание принять приглашение. Когда прохожие указывали на больницу, теплилась надежда на ошибку. Разочарование и удивление торопили меня обратно домой. Путь оказался немаленьким и уже проделанным, поэтому пришлось их отыскать. Теперь я ни о чем не жалею. С Черепахой и правда время проходило интересно. С тех пор в такие же дни безделья мы часто виделись.

Открываю глаза: на них падает теплый лучик солнца из еле видимой щелки между толстых штор. Технические трески и вои заглушают пение, шелест и даже карканье. Понимаю, что еще раннее утро, потому что окно выходит на север, и боковые лучи проникают сюда только сейчас. Моя квартира стала тесной для твоих жизненных потребностей. Двадцати квадратных метров спальни не хватает для ночных телефонных разговоров и бесконечных печатных работ. По всем горизонтальным поверхностям разложены какие-то цветные бумаги, макеты «один к ста», красочные плакаты и черно-белые фотографии твоих проектов. Часто приходится высоко поднимать ноги и перешагивать через корявые коробки и мотки проводов, чтобы не повредить ночной труд служащего рекламного агентства.

Помню твои попытки оборудовать туалет под кабинет большого босса, но соседские бачки и тонкие кирпичные перегородки постоянно отвлекали. Мы выходили из этого положения твоими поздними задержками на работе и моим молчанием после них.

Кухня приспособлена исключительно для подогрева пищи. Если еда не растет, то ее, искусственную, резиновую на вкус, цеховые дамы раскладывают в красочные порционные пакеты, на которых написано время, через которое – «Приятного аппетита». Готовить полноценный обед чаще всего было не для кого и не с кем. Кроме четырех стен, овального с массивной ручкой холодильника и масляной газовой плиты, на кухне не на что было облокотиться. Стол давно перенесли в спальню, чтобы тот продлил письменного товарища. Дуэтом они составляли солидную компанию книжным полкам, тумбочкам, стульям, но не сочетались с просторной кроватью. Взгляд постепенно привык к этому, даже удавалось избегать углов, которые часто норовили поставить то тут, тот здесь резкий синяк. Вместе мы давали картину современной деловой квартиры. Пыль заменилась весенним счастьем. А из центра комнаты расходились ленточки любви, в которых мы запутались.

Вижу тебя. Ты, как всегда, улыбаешься во сне. Он у тебя спокойный, и я никогда не могу понять, что происходит в твоей быстрой жизни. Ты каждое утро подолгу рассказываешь о том, как гуляешь по нашим любимым местам, мы крепко держимся за руки и молчим. Дышим приятной тишиной, потому что нам хорошо и кроме человека, идущего рядом, ничего не волнует. Физически мы рядом, и это приносит нам странное удовлетворение чувства собственности. Самое главное – мы рядом в мыслях, и это переполняет нас и заставляет молчать. Так считаешь ты. Но на самом деле не перебивает ту тишину мой постоянный страх того, что твое пугающее молчание однажды не вернет тебя ко мне.

Я глажу рукой твои волосы, целую в бровь и привычным взглядом осматриваю твое молодое тело. Ты лениво шевелишься и медленно открываешь глаза. Видно, что ты еще находишься там, где мы вместе гуляли несколько минут назад. На часах время. Оно не жалеет нас. Оно растит или старит, а мы не жалеем его. Дарим друг другу его неизмеримые единицы. Проживать время, не осознавая его количества, – вот наше предназначение. Замечательный и необходи-

мый предмет – стена слева от входа в комнату: на ней висят часы с тремя стрелками, каждая из которых бежит одна за другой. Самое удивительное, что идут они в одну сторону. Люди тоже обычно ходят по пятам друг за другом, одни вперед, другие за ними, но через промежуток времени они встречаются. Все прикреплены своим началом к одной точке, и за рамки циферблата никто не выходит. Еще одна подсказка к определению потраченного времени – восход и заход солнца. Если за твердым прозрачным веществом, мешающим моим легким вдохнуть свежий воздух, все превращается из черного в серое, значит, прошло время планов и наступил момент выводов. А так как второе всегда преобладает над первым, не приносящим качественного удовлетворения, образуются психологические пустоты в подсознании, приводящие к жестоким действиям по отношению к собственной оболочке и оболочкам, ее окружающим. Ух, часто со мной утром случается так лихо погибать выдуманные теоремы, которые к вечеру становятся забытыми и далекими. Подло-пошлые мысли о жизни и поступках вошли в катастрофу планов. Так что придется терпеть лепет разочарованности.

Традиционно встаю, механически шагаю на кухню. Знаю, что ты ждешь. Не меня, чай. Наш ежедневный утренний совместный чай. Он бывает только раз в день. Потом ты будешь пить его без меня. Черный крупнолистовой чай – воплощение нашей любви. Крепкий, придающий нам бодрость чай.

– Возьми. Как спалось? – Хочу услышать очередной красочно описанный сон.

– Мы танцевали на берегу, по колению в молочно-теплой воде. Ветер трепал наши волосы, мы дарили друг другу звезды. Я люблю тебя. – Делаешь глоток, смотришь на меня поверх чашки. Понимаю, что с каждым следующим глотком ты все сильнее и сильнее будешь любить меня.

– Буду скучать, – говоришь ты и спускаешь ноги с кровати.

– Нет.

– Что нет?

– Я не буду. Приходи быстрее. – Внутренним голосом кричу, но до тебя долетает едва различимый шепот. Начинаешь одеваться. Мне нравятся твои джинсы, точнее, ты в них. Я запоминаю каждое твоё движение. А ты не можешь этого сделать, потому что я лежу неподвижно, и вся моя внутренняя энергия уходит на то, чтобы мысленно заставить тебя остаться. Звенят ключи, щелчок дверного замка. И так каждое утро.

Ложусь на твою подушку. Помню несколько лет назад твои ворчания по поводу ее жесткости и величины.

– В этом доме лишь набитые рельсами мешки есть?

– Эта самая мягкая. Зато вечная.

– Жаль, что моя шея не вечная. Нам придется через несколько месяцев пойти к лоткам, где среди семечек и морковок торговли почти даром отдают свежие и ароматные человеческие шеи.

– Хорошо, завтра куплю.

– Чем меньше, тем лучше. Хотя, может, мы вместе? На выходных?

Неделя у тебя выдалась трудная, и мы никуда не пошли. Никогда. Ты, как и я, почти не пользуешься подушкой. Сползаешь среди ночи под нее. Когда засыпаем, мой нос разгуливает по твоим плечам. А потом мы незаметно меняемся. Думаю о тебе. Опять погружаюсь в глубокую дрему. Снишься ты. В раннем детстве.

Сидишь на полу в теплой, залитой солнцем комнате и перебираешь маленькими пальчиками предметы, аккуратно разбросанные вокруг тебя. Спокойно опущенные ресницы и умиротворенная улыбка уверяли, что тебе процесс доставлял безграничное удовольствие. У тебя еще никогда не находилось определенной цели в жизни, но мыслей об этом никогда и не возникало. Тогда было еще рано и незачем. Всегда о больших делах думает кто-то другой, большой, а мы узнаем это или из резкого приказа, или из ненавязчивой просьбы. Широта выбора

сужена. Тебе просто позволялось жить, потому что тебя родили на этот, а не на тот свет, здесь так положено. Общество кроваво и долго переживает какие-либо перемены, так необходимые для существования. Поэтому все приходит к своему финалу, обычно грустному, редко – к победному, именно это и подает надежду.

Бесконечное наслаждение тебе приносило одиночество. Не в том громком понятии, какое мы обычно представляем, слыша это слово, а твое маленькое, никому не заметное и тихое одиночество. И тебя оно пока не тревожило, как тревожило бы меня и вас, когда бы мы обнаружили, что это означает не свободу и независимость, а пустующую половину постели, вид пожелтевшего холодильника во время обеда, одна и та же реклама по телевизору и пылящийся второй бокал для вина. Компанией тебе служили игрушки и домики, в которых поселялась твоя вымышленная семья. Обычно она составлялась из трех человек. Огромный плюшевый медведь иногда бегал собакой, верным и единственным твоим другом, или лошадью, бороздящей бескрайние просторы храброй Франции. Франция, любимая страна, воображалась беззаботным садом с бескорыстными и бесстрашными мужчинами и добрыми женщинами. И кто-то один из них по твоим планам должен был когда-нибудь принадлежать тебе.

Любимых занятий у тебя было очень много. Сейчас вот ты мастеришь собственный кукольный театр. Сценарий давно написан кривым торопливым почерком. Сказка из толстого сборника. Очередная любовь какого-то королишки неизвестного царства-государства, преграды, опасность, спаситель-герой, и жили они долго и счастливо или по усам текло, а в рот не попало, точно не помню. На прошлой неделе мастерилась сцена: красились сиреневой гуашью ножки найденного где-то шероховатого стула, шился занавес из зеленого бархата, рисовались декорации. Преобладали яркие тона красного и желтого. Ведь богатство подразумевает яркость. Яркость внешнюю и внутреннюю. Не всегда так, но в основном все богачи имеют потенциал, который прикрыт жадностью и спрятан за постоянными расчетами. Все сделано без особых материальных затрат и по предварительным заказам билетов обещало приносить стабильный доход от выступлений перед родственниками, соседями, друзьями родственников, соседями родственников и друзьями соседей. А теперь подошла очередь самих мастеров актерского искусства: кукол. Голова у них была легкая, странного розоватого оттенка. Процесс изготовления непарной части тела занимал очень много времени. Еще месяц назад сделались все необходимые заготовки. Клей, газеты, пластилин. Парики. Костюмы. Что-то промелькнуло в твоей непричесанной голове. Глаза покраснели, кулачки сжались. Резко встаешь. Голой ножкой тщательно давишь угловатый череп злого короля. Постепенно переходишь к многочисленным рыцарям, придворным дамам и золушкам. Остался только добрый автор, он лежит справа от пугающего месива тряпья, бумаги и сломанных деталей из папье-маше. Нет! Это же ты! Ты видишь себя вечным игроком театра жизни – герой-рассказчик. Жестокая гримаса ребенка, поднятый стул-сцена с силой опускается на последнюю голову...

Звонок. Не понимаю, что происходит. Телефон звонит с короткими промежутками. Опять звонок. Кто там еще? Кто так жестоко посмел нарушить тишину страшного сна? Иду? Иду. Иду!

– Алло! – Приятный молодой голос мне кажется незнакомым, произносит давно забытое мое имя.

– Да, с кем говорю?

– Вы знакомы с... – слышу режущие звуки, составляющие твою фамилию. Я в растерянности. Не могу сообразить, что же голос от меня хочет. Сонный продрогший мозг медленно перебирает фотоальбом знакомых лиц. Нет, не может быть. Это ты! Я улыбаюсь, представив твои черные черточки на цветном глянцевом листке. Моя привычка ласково коверкать твое имя теперь, когда его произносят официально, мешает быстро отреагировать.

– Да. – Смотрюсь в зеркало и не вижу, чем я туда смотрю. Подозреваю, что глазами, но их эта плоскость, отражающая переднюю половину моего тела, не показывает. Это от бессонных ночей, количества жидкости, вытекшей из моего организма или влившейся в него.

Отчетливо рисуется в памяти та ночь, когда две недели назад мы сидели на балконе серой многоэтажки, синий бортик отгораживал нас от городской природы. Слышалась забытая музыка из ближайшего кафе-шашлычной, нескончаемо ездили пахнущие сгоревшим бензином и маслом машины, периодически раздавались пронзительный визг и лязг спешащего паровоза и голос той уставшей от нелегкой жизни женщины, оповещающий прохожих о прибытии поезда. Помню наше удивление, когда на стене, с которой уже несколько зим из-за постоянной влаги на семидесятилетних панелях собирались сползти нелепые смешные обои в укроп, сидел настоящий кузнечик. Как от каждого его шевеления мы приходили в какой-то по-доброму щемящий грудь восторг. Часто, находясь далеко за городом, ощущая телом нежную свежую траву, в ласковой тени деревьев, мы не замечаем кузнечиков. А тогда, в бетонной коробке с затхлым запахом пластика и ржавчины, мы встретились с подвластным только инстинктам кусочком природы. Ты и я. И он. Живой и зеленый. Никаких правил этикета, никаких законов морали. Никаких чувств. Лишь эгоизм. Эгоизм тоже инстинкт, которым одарены с рождения все живущие особи. Это спасательный рефлекс. Паучихи сжирают своих самцов, потому что это рефлекс. И женщины подминают под себя мужчин, боясь быть подмятыми.

Голос в трубке нервно пытался мне что-то объяснить.

– Алло? Вы меня слышите? – Не знаю, что мне говорили, потому что воспоминания нахлынули на меня не вовремя. Но глаза выдавили слезы.

– Да. Простите. Кто это?

– ...вторая городская больница. Вы знакомы с...

– Да! – гордо произношу я, как будто ты кинозвезда.

– Срочно приезжайте. Не удалось справиться с управлением. Авария на... – Рука повесила трубку.

II

Природная сила Тигра в этом месяце лишит вас всяких надежд на улучшение ситуации. Беспомощность завладеет чувствами, на смену которым придет разочарование. Но долг заставит действовать. Звезды не располагают пока к активности. Стоит немедленно обратиться к друзьям за содействием.

В этой главе даны некоторые детали последствий авткатастрофы. Врач требует денег. Способа их найти нет, от этого внутри образуется пустота, заполнить которую вновь предстоит Черепаше в день своего рождения. Там мы впервые встречаем Натали.

В поисках тебя ноги привели пустое туловище на знакомый балкон. Там постелен неприлично грязный ковер, разъедаемый слизистой жидкостью, которую сплевывают прямо на пол в минуты досады или после неприятного обеда. Она пенится и, засыхая, образует пятна, покрытые неровной коркой. В половинчатой кокосовой скорлупе-пепельнице непроизвольно складываются табак и отряды потушенных сигарет. В углу горбится треногий стул с решетчатой спинкой, ей он опирается на бортик, поэтому стойко может выдержать любой вес. В середине ковра – потрескавшаяся глубокими морщинами полка.

– Раньше на ней стояли виниловые пластинки с моими любимыми детскими сказками, – раздраженно прохрипело горло, когда передо мной открылась картина твоего почетного нахождения на памятной полке.

– Теперь на ней сижу я. Здесь же грязно. – Пытаешься извиниться.

– Добро пожаловать на остров неудачника и побежденного, – с грустью вздыхаю. – Единственное место, удовлетворяющее обычную человеческую потребность в скверном образе жизни. Чудаки те, кто сдерживается, прячется за титулами и властью. Они подавляют в себе животное, еще не электронное происхождение.

– Чуднее те, кто принял подобный образ жизни, смирился с ним и ничего не собирается делать. Есть такая категория людей. – Эту историю с добавлением разных деталей мне уже несколько раз доводилось слышать. – Никчемных бомжей. В иных государствах им предоставляют бесплатное жилье, пособия, находят подходящую работу. Они все разом теряют, теряются сами и вновь с удовольствием стелют картон и тряпье вблизи теплотрассы. Днем становятся частью толпы, собирают бутылки, выворачивают целлофановые пакеты с остатками еды. По выходным устраивают семейные походы на свалку в связи с меняющимся сезоном.

– Они счастливы в привычке так жить!

– Кто-то трясется за каждую монету, имея в памяти прошлую бедность.

– Кто-то съедает сначала сочную котлету. – Мы понимали друг друга и не понимали тех, кого осуждали. У нас такие же черты, но стыда или подобного чувства мы не испытывали. Мы радовались жизни и себе. – А потом жует рис, припоминая детские годы, когда мясо мог взять старший и сильный сосед по столу. Кто-то почти не тратит зарплату, обещая себе морское побережье летом. Кто-то хранит рваные вещи и ждет удобного черного дня, чтобы их использовать. Каждый имеет слабости, которые говорят о потребности в бомжевидном образе жизни.

– Уют и роскошь созданы цивилизацией, но так ли они важны? – Твой вопрос не требовал ответа. Мы задумчиво уставились на стеклянное небо. Мы гордились отличием от других.

Тот остров нищеты. Мои редкие вылазки туда после утомляющих блесков начищенных зубов и фужеров, казалось, балансировали мои потребности. Как иногда приятно задуматься о ничтожности человеческих мыслей и о могуществе их заблуждений, прикуривая потушенный, сбереженный для торжественного празднования бедности и любви к ней остаток сига-

реты. Если б меньше в людях властвовала лень, им не пришлось бы навсегда застрять в числе шестидесяти процентов тех, в чьих руках исключительно жалкое существование. Многие ставят деньги причиной того, что они на дне узкого колодца, одновременно являясь этим водохранилищем, где с годами заводятся инфузории и пиявки. Имея стремление, можно просто выйти оттуда, выйти и купить марочных сигарет. Но канализация врожденной наготы затягивает. На следующий же день, разглядывая столонные купюры, я буду с презрением отпихивать руку уже с утра охмелевшего нищего. Сегодня же я одинокий бомж. И мне это нравится.

Провал в никуда. Организм очнулся, когда на балконе стемнело. Пришло осознание того, что мое состояние сейчас научно называют истощением сил. Несколько бессонных ночей давали о себе знать. Глаза превратились в два маленьких уголька, и разобрать тот тусклый свет, который они передавали мозгу, стало невозможным. Губы высохли и хотели влаги, но рот, пищевод и все, что за ними следует, не воспринимали никаких инородных жидкостей. Они горели изнутри. Руки жалко болтались справа и слева от сгорбленного тела. Ноги слабо сгибались в местах, предназначенных для этого. Голова в одиночестве, изолированная от других органов, неизменно продолжала работать. Мы пытались тебе помочь. Кто-то из нас твердо набрал номер справочной, чтобы узнать телефон больницы. Кто-то принял решение ехать к тебе. Или приблизить тебя ко мне. Кто-то меня торопливо одел. Что? Что произошло?

Самое главное – тебя увидеть. Уверенность в том, что это чья-нибудь злая шутка или фанатичный кошмар, не покидала меня. В подъезде, как всегда, сурово морщилась темнота. Зажигалка или привычные десять ступенек помогли спуститься в первый раз за пять дней на улицу. Свежий воздух ворвался в ноздри и разрезал их. Кружилась голова, но неосязаемая сила мчала меня к тебе.

Транспорт. Какой же транспорт? Как ехать? Сажусь в первое, что подошло к остановке. Мозг еще не совсем отключился, или все в жизни – воля случая, который выбрал средство передвижения, усадил меня в него и ласково пнул к выходу в нужный момент. Вижу громадные серые ворота, за которыми ты, ты спишь, мирно улыбаясь. Вокруг деревья и кусты. Ищу твой корпус. В темноте сумерек пытаюсь разобрать, что проплыло мимо меня, преграждая дорогу. Человек, по росту можно сказать, мужчина, на какой-то плоскости, странно накрытый чем-то: лицо спрятано, а стопы неровно торчат. Его везет беззубо улыбающийся санитар. Следую за ними. Черная блестящая табличка на входе, золотыми буквами написано: «Морг». Брезгливо фыркая, разворачиваюсь, иду в другом направлении. Тайно надеюсь, что не придется сюда возвращаться.

В такие моменты задумываешься о счастье. Когда поймаешь его за ошейник, вцепишься костлявыми пальцами, обнимешь. Постепенно дыхание выравнивается, проходит несколько успешных событий, радостных известий, рука начинает расслабляться. И в самый миг полноты этого чувства оно ускользает, растворяется, и видишь его задние лапы, учащенно перебирающие по земле. Тогда понимаешь, что являешься единственным представителем из всех организмов, который не только думает о нем, часто говорит о нем, но иногда и испытывает его.

Как утверждает какой-то словарь, слово «счастье» употребляется по отношению к чувствам или сочетанию чувств, испытываемых человеком в минуту высшего удовлетворения чем-либо. Причем удовлетворение бывает следствием событий или происшествий, ожидаемых долгое время. Скорее всего, люди потратили силы, средства, то есть имели к этому прямое отношение. Такое же удовлетворение возникает при благоприятном стечении обстоятельств, произвольном вмешательстве высших сил или при таком загадочном явлении, как удача. Поэтому однокоренное слово «счастливчик» означает, что человек, которого так называют, обладает не счастьем, а предпосылками его иметь, поскольку удача часто идет с ним рядом или он рядом с ней. Счастливыми можно назвать разные объекты: того, кто уже испытал удовлетво-

рение и исполнен этим чувством, или то, что приносит удовлетворение. Человек обычно сам решает, по каким критериям он счастлив. Одни находят в себе дар приносить счастье самим себе. Другие наполняют им окружающих. И первые, и вторые – счастливые. Некоторые так и не научились распознавать счастье среди миллиона других чувств, поэтому процветают войны, суициды, разводы.

Это, видимо, досталось нам от пещерных предков. Чувства, отвечающие за сохранение жизни, такие как голод, жажда, страх, порождали почти уголовные – зависть, ненависть. Для оправдания своей слабости люди прятались за картонкой собственных фантазий. На картонке из подручных средств рисовалась разная живность. Человек стонет, если в реальности не происходит бед. Получается такая цепь: хорошая жизнь пачкается препятствиями, их сначала не любят, затем боятся и после им поклоняются. Препятствия служат отговорками, защитой или целью, долгом или объектом подражания. Эта система мало заметна теперь, в эпоху развитых технологий, но она спрятана далеко в мозге каждого. Так, один называет себя счастливым, значит, картонка его называется удачей. У другого, предположим, верующего – верой, а у третьего – приметой. Четвертый борется с вселившейся в него в детстве любовью к собакам, поэтому собирает календари с портретами терьеров, медальоны с мордами сеттеров, посещает собачьи выставки и отламывает кусок батона для хромой дворняги. Каждый проделывает незамысловатые махинации в честь или за спасение от своей картонки-препятствия. Уж очень это похоже на авторские песни и пляски аборигенов в честь семейного тотема. Будь то животное, или растение, или сила природы. Тотем охраняет и дает напутствие. Разве редко человек думает о чем-то или о ком-то оберегающем, направляющем. Скорее всего, речь идет о близком человеке, но надеются люди не на живую кровь, лишь только на образ, приклеенный на ту картонку.

Было непонятно, что давало мне ощущение совершенной неудовлетворенности. Моя готовность к борьбе со всеми, кто причинил тебе боль? Прыжок в никуда в случае, если тебя увезет беззубый санитар? Или расставание с тобой, если кто-то из нас обвинит меня в происшедшем? Но мысль, что счастье все-таки есть, меня успокаивала.

Стекло – это ровный чудесный сплав, придуманный человеком специально для того, чтобы помешать испытывать привычные ощущения. Природный материал превращается в то, что является преградой самой природе: ветру, дождю, птицам. Обычный песок. Песок губит нашу жизнь. Спасает. Никто не увидел бы тебя через песок, а я вижу. Лежишь. Не так, как утром. Сейчас твой отказ от чая был бы простителен. Белая одежда. Зачем они тебя так одели? Где джинсы? Больничное белье плохо на тебе сидит, не подходит к цвету твоего лица. Оно неестественно. И тебя переполняет неестественность. Я чувствую, что ты разговариваешь со мной. Как всегда, перебиваешь. Слушая тишиной. Нам хорошо не так, как в твоих снах. Ты не можешь сказать им главное, или они не могут принять сигнал. Ты точно не спишь, потому что не улыбаешься. Раскрытая алость твоих температурных губ и засохший гной на дергающихся глазах. Множественность электронных датчиков и тонких припластилиненных к тебе труб поддерживали твоё бессильное состояние. Медсестра подпихнула под твою ногу вялое одеяло и, шаркая замасленными страницами раздела «Вязание», надкусила спелую кожицу фрукта, принесенного мною для твоей витаминизации. Уже несколько часов твоя душа совсем не шевелится. Радовало лишь то, что тебе не выдалось такого несчастья – видеть белую картину моими гранеными глазами.

– Пойдемте, я вас угощу чаем. – Твой хирург взял меня под руку и потянул от песка. – Маша, принеси еще одну чашку.

Девушка, танцующая под писк больничного пейджера, вышла из кабинета.

– Меня зовут Эдуард Прокофьевич Лейн, я оперировал.

– Молодец.

– Что скажете? – спросил доктор. – Вы уже обдумали, как мы будем поступать?

– Как поступать? – Картина неизвестного художника «Больничная палата» прочно закрепилась на одном из гвоздиков в моем мозге.

– Однозначно сейчас мы ничего не можем утверждать. Необходимо дождаться, когда пациент придет в сознание.

– Чтобы спросить, что болит?

– Можно и так сказать, – наливая полупрозрачную жидкость, растерялся Эдуард Прокофьевич. – Чего хотят родственники?

– Не знаю, есть ли родственники. Даже если есть, то все мы хотим одного. Выздоровления.

– Молитесь.

– Это говорит мне врач!

– Знаете, в моей практике встречалось множество безнадежных больных, которые сейчас ведут активный образ жизни. Наука не смогла им помочь. Единственное, что иногда остается, – обратиться к силам, которые руководят в подобных ситуациях. Потому что положение почти безвыходное.

– Насколько безвыходное?

– В лучшем случае пять-семь лет абсолютного недвижимого состояния.

– Не верю, что ничего нельзя сделать!

– Все станет известно через несколько дней. Пациент поступил с так называемой хлыстовой травмой: при столкновении произошло резкое сгибание в шейном отделе. Даже при удовлетворительном состоянии, что уже являлось бы чудом, предстоит сложнейшее лечение. Шанс есть, но, к сожалению, все упирается в финансы, – вопросительно посмотрел нейрохирург, пышущий не только хирургическим опытом, но и опытом выживания денег.

– Деньги не проблема. Верните человеку нормальную жизнь.

– Тогда готовьтесь. Стоимость полного лечения нужно уточнить. Я думаю, тысяч пятнадцать будет стоить. Долларов, разумеется.

– Долларов?

Понятия не имею, как тебя выволить из клетки сна, разноцветных драже, трубочек и бинтов. Безвыходная ситуация. Или выхода нет. Или я не вижу выхода. Гордая забота и сострадание разрыдались. Любовь скомкала сердце.

Возвращаюсь домой. Ничего не изменилось. Исчезла суeta, и потемнело. Раздвигаю шторы, но зрению не хватает света, легким – воздуха. Пропало движение. Все вокруг замерло, замерзло. Как в детской игре. Нужна команда «отомри». Водящий отлучился, и неизвестно, когда появится, а за него произнести ничего нельзя. Руки и ноги давно затекли. Жду. Как электрический ток, пробегают нетерпение и подавленность. Конечно, в то утро предполагалось, что ты удержишься, что тебя проглотит работа, но так надолго поручить меня пустоте было глупо и жестоко с твоей стороны. Катись ты! Чувство долга и обязательства перед близкими машут флагом перед моим лицом. Тратить жизни на соседа по кровати. Палящая уверенность в продолжении потухла. Придется подстраиваться под обстоятельства. Они нас выбрали и сделали первый ход. Мысленно мы постоянно пытаемся подготовиться к опасности. Репетируем нападение со спины. Обдумываем детали. Но когда настает время выходить на сцену, голос трясется, и зрители обвиняют в непрофессионализме и кидают в нас мягким коричневым луком. Отковыряв засохшую желтизну с лица, остается продумывать второй акт. Скоро поднимается занавес. От тебя зависит, как закончится представление. Мне же надо найти деньги.

Взгляд скользнул на стол. Там лежала украшенная шелком и золотом открытка. Происшествия заставили меня забыть о празднике. Сегодня день рождения у Черепахи. Официаль-

ное приглашение: 10.06 в 18.00. Обещание присутствовать не вспомнилось. Меня не удержала ледяная атмосфера сонной однокомнатной коробки, где недавно просыпалось два солнца.

Ума не приложу, что подарить. Родители не стеснены средствами, поэтому у Черепахи все есть, или, когда возникает желание, его сразу же удовлетворяют. Люди, общение – вот лучший подарок, вот чем можно заменить внимание целого общества. Жаль, что нет больше рабства и нельзя пригнать на цепочке полуголых холеных мальчиков и стройных девочек. «Вот, Черепаха, теперь ты сможешь играть в прятки или в монополию». В универсальном магазине для людей ничего подобного не продавалось. Обман для универсальных людей. Нет магазина, в котором продается все. В разных уголках планеты разбросаны вещички, каждая из которых дожидается своего покупателя. Если человек не находит то, чего истинно желает, он довольствуется лучшим подобием. Пришлось ехать на другой конец города. Там предполагалось купить незначительный, но приятный презент.

– Опаздываешь, – прожевалось от Черепахи.

– Поздравляю. Желаю... – меня перебили вопли из-за двери.

– Happy birthday to you, happy birthday to you, – доносилось из коридора.

Вошла Ольга, выключила электрическую люстру, и комната моментально озарилась двадцатью четырьмя свечами на торте. Приехал Дементьев, отец. Рыча от переполняющих его неизвестных чувств, он поцеловал лоб Черепахи. Водитель заносил огромного плюшевого тигренка. Груду розового крема поставили на стол. Глаза Черепахи закрылись. Все молча угадывали желание. Напряженные щеки и губы готовились к ветропроизводящему упражнению. Вдруг лицо перед тортом сделалось страшным, стало понятно, что почувствовалась какая-то боль. Все сосредоточились.

– Где мама?

– Она не сможет сегодня приехать. Плохо себя чувствует, – растеряно пробормотал Данил Петрович.

– Что-то случилось?

– Ты же знаешь, какая она неженка. Она передавала поздравления и просила тебя поцеловать, – пытался быть заботливым Дементьев.

– Все хорошо, не волнуйся. Она завтра приедет. Или хочешь, мы ей позвоним, скажем, что тебе невесело. Она расстроится, – вмешалась Ольга.

– Володя, – обратился Данил Петрович к водителю, – езжай-ка домой и привези ее.

– Нет, пусть отдыхает. Привет ей!

С этими словами Черепахины легкие наполнились воздухом. Выдох. Свечи потушены. Родственники и близкие семьи тоже выдохнули с облегчением. Они-то знали, какое желание следовало бы загадывать, спасая жизнь.

Казалось, даже тигр на мгновение превратился в дикого хищника. На игрушечной фабрике, подбирая лоскуты для его меховой кожи, портнихи перешептывались. Их механическая работа предоставляла им единственное разнообразие: сплетни. Чем насыщеннее побоями проводила пьяный вечер одна из них, тем веселее обсуждалось это на конвейере. В тот день, когда зашивали полосатое ватное брюхо шерстяного тигра, стажерка пришла с поцарапанным лицом и без правого уха. Да, у девушки совершенно отсутствовала ушная раковина. Вместо нее неровным полукругом сохлась кровь. До обеденного перерыва, отпираясь от доклада на тему «Если вам интересно, почему у меня такой потрепанный вид, ведь живу я с родителями, у меня нет никаких ухажеров, тогда слушайте о странном происшествии в полночь, старые безмозглые сплетницы», она дала повод для беспочвенных и унижительных предположений ее коллег. После обеда она решила поделиться с самой, как считалось, доброй подругой. Когда они через полчаса вышли из укромного места, вокруг доброй, но болтливой подружки сформировалось кольцо, проступить сквозь которое было невозможно.

– Нечистый, ей богу, нечистый, – начала она, крестясь.

– Говори толком, чего. – Толпу раздирали любопытство.
– Все ее девки знакомые уже замуж повыскакивали. Ей тоже охота.
– Ясно дело, а уши резать зачем?
– Не резала она ничего.
– Подцепила любовничка? Он ей от страсти-то и отрезал, – громыхнуло смешком кольцо.
– Дайте договорить, не перебивайте. Спасать ее надо. К бабке вести. Натворила она делов.
– С мафией связалась, – прошептала опытная от бесконечных сериалов швея.
– Хуже. Полнолуние вчера было. Кто-то ей сказал, что заговор можно сделать. На женихато. Она разделась. Травки в котелок насыпала. Слова прочитала какие-то. Дал нечистый недельный срок.

– А в котле она холодец варила из личных органов?
– Тихо! Легла она спать. Снится ей, что идет она по улице пустой, заграничной.
– Плохой знак, – вздыхали женщины.
– Не перебивай, – злилась шептунья. – Навстречу ей зверь. Тигр. Клыки с ладонь, когти еще длиннее. Не понравилась она ему, – она сделала паузу и резко подняла вверх руки. – Вдруг как кинется он на нее!

– Ох, не к добру, – покачивали головами советчицы.

– Конечно, доброго ничего нет. Проснулась она утром, вся разодранная. Уха нет.

– В церковь пусть ходит.

В этот день к тигриной добыче никто даже не подходил. Слабый и глупый боится неизведанной силы. Ему не понять, что самое сильное скрыто внутри него самого. Дикость природы, ведомая инстинктами, умна и бесстрашна. Байки о легких путях толкают ленивых к запрещенным поступкам. Да и не нужны они настоящему человеку. Необходимость осуждения ошибающегося закрывает створку памяти собственных порочных деяний. Руки завистливых и жалеющих и слезы страшащихся смастерили компаньона для Черепахи. Тигр – конверт, перебивший неприятности в другой дом. Сегодня его треплют за ухо, а завтра тучами прорежется несправедливость счастья. Варишь борщ – клади вместе с солью и перцем добро. В ненастье ходи голодным или найди поющую веселые куплеты кухарку. Ее серая полоска жизни ляжет на твою черную и осветлит ее. Тигр скалился и собирался кинуться на гостей, которые, будь он живой, не сумели бы подавить страх и чокаться полными бокалами, наступая ему на лапу или хвост.

– Вот, это тебе, – решаюсь перебить чавканье.

– Что это?

– Подарок.

– Тт-с-с. Скоро все уйдут, поговорим.

– У меня созрел гост, – взвизгнула Натали. Она часто навещала европейские государства, чего не скажешь о ее визитах в Лугово. – В тгидесятом цагстве, в тгидесятом госудагстве, жил был коголь. У него была пгекгасная дочь – пгинцесса. Он ее очень любил. Но у нее была одна ппроблема. Ее глаза были словно в тумане. Она никогда не видела солнца и могя. Настала пога выдавать ее замуж. Съехалось полное коголевство пгинцев, готовых пгедложить ей свои гуку и сегдце. Их даже гадовало, что невеста слепая. Но взамен згения Господь дал пгинцессе пгевосходный слух, обоняние и осязание. Ими и гуководствовалась пгинцесса пги выбоге будущего супгуга. Пгишел пгинц из Англии. Он говогил сухо и точно. Его пгизнание звучало так: «Доб-гый день. Вы кгасивы и умны. Станьте моей женой». От него пахло табаком и беконом. А лицо на ощупь напоминало никелигованный чайник с тагаканьими усиками. Пгинцесса его ответгла. Явился немец. С погога заявил: «Мне тгидцать лет, и в моем владении оггомная земля. Газ-делите со мной мою когону». Дгожжевой и сосисочный запах спугнул пгинцессу, она даже не пгикоснулась к его лицу. Фганцуз пгинес бутылку вина из виногадников его стганы, пгигла-сил скгипача, упал на колени пегед пгинцессой и говогил: «Вас осмелюсь сгавнить я только с

весенними лучами солнца, о богиня моих желаний. Умоляю, не заставляйте мое сгдце газбиваться. Соглашайтесь. Станьте моей спутницей по тегнистому пути жизни. Я люблю вас». Он коснулся ее мягкой гукой. Она сделала свой выбог, но, пжежде чем огласить его, должна была спгосить мнения отца. Она попгосила фганцуза подождать и пгиказала служанке пгинести ему угощение. Сама же пошла в покои отца. Он так обгадовался новости, что немедленно гаспогядился начинать пгиготовления к свадьбе. Когда пгинцесса пгиближалась к залу, где оставила фганцуза, из двеги послышалось: «Вас осмелюсь сгавнить я только с весенними лучами солнца, о богиня моих желаний. Умоляю, не заставляйте мое сгдце газбиваться. Соглашайтесь». Служанке повезло больше. После этих слов пгинц нагнулся, чтобы поцеловать загипнотизированную девушку. В слезах пгинцесса убежала в сад. Там габотал садовник. Он подошел к ней. От него исходил какой-то неведомый запах, котогый и заинтегесовал пгинцессу. «Луга. Поля бескгаиние. Цветы диковинные», – обгисовал он источники запаха. «Покажи мне их». Садовник, ничего не знающий пго ее недуг, удивился, что пгинцесса не видела самой догогой кгасоты, котогой не сможет купить ни один пгинц. Он взял ее за гуку и повел. Сила его искгилась изнутги. Слова были пгосты. Когда они оказались в лесной лощине около гучья, чистота запаха отодвинула тучи с глаз пгинцессы. «О чудо! Я вижу!» После этого жили они долго и счастливо. Так выпьем же за мудгую пгигоду, котогаая бескоггсно одагивает нас своими богатствами. Она чудесна и полна тайн. Желаю тебе отыскать все догогие тайны внутги себя. Пусть что-то пгигода тебе не дала, но она позволила поселиться добгой и нежной душе во всем, что тебя окужует, и самое главное, внутги тебя. Бегеги себя!

– Коротко и ясно, – утомленно пробурчал Данил Петрович.

– Спасибо, Ната. – Речь родной тети заставила понервничать. – Спасибо всем, что пришли.

– Спасибо. Но слишком хорошо тоже нехорошо. Приходите чаще. Сейчас пора отдыхать, – почти выпихивала гостей медсестра.

Все вышли. Мы с Черепахой остались вдвоем.

– Наконец. Что-то ты весь вечер грустишь? – последовал вопрос Черепахи.

– Извини. Не до веселья.

– Что случилось?

– Понимаешь, как будто часть от меня оторвали. Позвонили из больницы и оторвали.

Теперь валяется эта часть в больничной палате, напичканной трубочками и приборчиками. Авария.

– Торопились тебя променять на пыль офиса?

– Показать свою невнимательность. Отпуск хотелось. Вот и отдыхаем друг от друга.

– Что врачи говорят?

– Пока ничего определенного. Ты меня прости. Вот. Подарок.

– Большой подарок.

На полу стоял укутанный в полотенце громоздкий предмет. Клетка.

– Думаю, что в дни скуки тебе просто необходим птенец-болтун.

– Ура! У меня давно была мечта завести попугая. Какой маленький! – Клетка открылась, и птица оказалась в руках Черепахи. – Он уже может разговаривать?

– Нет. Тебе нужно регулярно с ним беседовать, чтобы он вырос умным мальчиком.

– Конечно. Огромное спасибо. Прямо коленки трясутся, как волнуясь.

– Не за что. Ухаживай за ним и иногда вспоминай про меня.

– Я тебя никогда не забуду. – Растроганные, мы обнялись.

– Как назовешь?

– Кеша. Как в мультфильме. Если я Черепаха, пусть он будет человеком. Поставлю клетку на подоконник. Там светло. Занавеской закрою. Это будет нашей тайной. Только мы втроем будем знать друг о друге. И больше никто. Даже Оле не скажу.

- А справишься? Клетку чистить надо.
- Сделаю все. Теперь у меня есть ради кого жить. Ты и Кеша – мой смысл жизни.
- Договорились!

III

Кот в этом месяце полон собственных забот, он убежден в личном превосходстве, поэтому на его помощь рассчитывать не следует. Появятся надежда и вера, главное, подобрать нужный ключ, чтобы они оправдались.

Константин, руководитель рекламного агентства, приходит на ужин в квартиру, где раньше жили двое. Доктор Лейн призывает срочно найти деньги на операцию. Попытки занять необходимую сумму у Кости и Дементьева проваливаются. Черепаха обещает устроить встречу с Акимом.

С параллельной позиции виделась Грому фигурки и точки людей. Он исподлобья глядел и милостиво улыбался, выжидая подходящего момента. Вот уже сгустил серые пухлые крылья свои над головами, верхушками деревьев и крышами домов. Он накапливал прохладу и влагу, чтобы затем повсеместно смыть пыль неблагоприятного, черствого и ненавистного города во имя добра. Люди, в надежде укрыться от юркого ветра, запаховали глубже пальто, морщили носы и прятались в подворотнях. Несли с собой бестолковые зонтики, еще сухие. Черные и разноцветные, они редко спасали от стихии, лишь только от капель росистого дождя. Стоило усилить частоту падения, как одежда и волосы покрывались пятнами холода и предстоящего насморка. Время настало. Гром ударил в жилистые ладони, и прогремел первый злостный раскат. Замельтешили струйки воды, асфальт потемнел и растаял, трава пригнулась, деревья спрятали листья. Щелкнули механизмы зонтов. Задел пугливые уши второй хлопок, ветер, замерзнув, носился без направления. На земле появились маленькие озера, пузырями дыбилась вода, стекала по склонам, упиралась в бордюры, останавливалась и усеивалась рябью. Еще долго Гром тешил себя подобной игрой, пока не утомился однообразием людских выходов, нашел другой путь, последний раз взглянул на сырой город, вздохнул с облегчением и ушел, оставив после себя мокрый запах, который самовольно проникал в самые отдаленные места, даже в нашу квартиру, где в ожидании твоего прихода притаились бездушные предметы.

Последнее время в нашей квартире не звучало ничего, кроме закипающего чайника и смывного бочка. Скукой по крикам мне никогда не приходилось страдать. Но тишина застигла ржавчиной все, к чему прикасалась. Тишина в твоей палате, в нашей постели. Тогда все было по-другому. Топоты, стуки, скрипы и стоны – мы их создавали в знак жизни. Гордились ими и охраняли движение. Не назову тот день приятным, но запечатлелся он в памяти напичканным активностью.

Играет песня Леонарда Коэна «В ожидании чуда» из нашего любимого кинофильма. Пылесос вертит головой и выкрикивает странную мелодию. Влажная серая тряпка огорченно свисает с полки. Она еще вчера раскидывала плечи на спинке стула и называлась моей майкой от «Дизель». Сегодня прожженные сигаретным пеплом многочисленные отверстия и твоя лень превратили ее в ответственного по удалению пыли дежурного. Рыжее ведро с мыльной жидкостью безоблачно улыбается пластиковой полупрозрачной ручкой. Зеркало правдиво изображает мои светлые волосы на вспотевшем лбу, обнаженные ноги, начинающиеся с сухих холодных ступней и заканчивающиеся где-то под твоей голубой рубашкой. Кривляния и воображаемый вальс с тобой помогают пополнить силы, и я продолжаю воздвигать империю чистоты в нашем прохудившемся государстве №66 (иногда 99, верхний шуруп таблички выпал).

О чистую широкую полку и чашку зеленого чая ударяется твой дубликат ключей и шорох пакетов из ближайшего магазина. Календарь пролистывает месяца и числа в моей памяти. Нет совпадений.

– Пир?

– Привет! – Чмокаешь меня в левую щеку и волочишь покупки на кухню.

– Праздник?

– Такая очередь в кассе! И лифт сломался! Чертовы механики!

– Годовщина? – не успокаиваюсь я.

– Что-то неладное с тормозами. И дверь скрипит.

– Лосось, икра, авокадо... да, нечасто у тебя возникает желание побаловать меня. И к тому же видеть тебя здесь с ними в руках!

– Представляешь, сегодня в офис привезли огромный аквариум с рыбками. Босс вычитал в модном журнале, что это хорошо влияет на психику людей, находящихся больше пяти часов в замкнутом пространстве.

– А это что за ягода такая в шуршащих листьях?

– Не знаю, каким точно образом селедки смогут исправить наше положение, но настроение улучшилось уже, когда мы осознали, что бедолаги живут в стекляшке метр на метр всю недолгую жизнь под ежесекундным вниманием или своих сородичей, или нас, не похожих на них селедок.

– Ого! Шампанское? Ты же его не любишь!

– Зато я люблю тебя!

– Наверное, это мы сегодня и отмечаем?

– Нет. Что подать к рыбе?

– Подать кому?

– Сейчас подай мне самый острый нож.

– Чтобы перерезать мне горло?

– Да, если допрос не закончится. – Дружелюбный оскал делает меня еще беспокойней. – Сегодня у нас будут гости. Точнее, один гость. Придет коллега по работе.

– Сосед по селедочному аквариуму?

– Да, мы хорошо поработали над новым проектом и решили хорошо его отметить. И еще этот человек сыграл не последнюю роль в моих продвижениях к тому, чем я сейчас занимаюсь. Поэтому тебе следует быть поласковой.

Вдыхая пряные запахи, мы сидели на кухне. Приготовились к приходу гостя. Твой гирляндный наряд меня тайно смешил, и мне не терпелось увидеть причину всех подвигов сегодняшнего вечера. Раздалось дребезжание кнопки за дверью. Мы метнулись в разные стороны, бесцельно побегали по комнатам и расплылись в улыбке около входа.

– Привет. Это тебе, – протянул пакет парень средних лет, сжимая твою родинку на правой руке.

– Это, это... мы живем вместе. – Неподготовленность к знакомству с коллегой не только удивила меня, но и порядком разозлила.

– Константин, – прокукарекал он.

– Очень приятно, – пришлось соврать, не глядя ему в глаза. Меня понесло на кухню.

Он прошлепал в комнату, оставляя на линолеуме влажные следы косолапых, явно больших плоскостопием носков сорок четвертого размера. В пакете лежали набор сухофруктов и орехов и шампанское. Ново!

– Костя в гости, у Кости гости, кость – гость.

– Что стоишь? Помоги мне! – раздался лай у плиты.

– Иди, я все сделаю. Он там один сидит.

– Спасибо. Ты лучше всех! – Наконец мне вручили подарочный поцелуй.

– Косолапый Костя кильку ковыряет коготком, как копьём кровавым, костью скорчило под кадыком, – задавался тон вечера.

Когда приглашают в дом приятных людей, подсознательно загадывают два праздника: живота и души. После семейных застолий чувствуется, что желудок не веселился, наоборот, у него привалило работы, а вот мозг и сердце наполняются добротой из-за смешков, болтовни и споров. Мы же трое сидели как пни, каждый пытался показать английские манеры. Вилками и ножами измельчали содержимое тарелок, пригубляли шипящее пойло. Беседа ограничивалась погодой и новостями. Все чувствовали неловкость. Он из-за того, что не влился в мою компанию и помешал тихому семейному вечеру. Ты из-за того, что он сюда приволокся. А у меня было ощущение, что это я тот третий, который часто бывает лишним.

– Хочешь, я покажу свой макет новой рекламы «Пепси»? – кто-то оживился.

– Конечно. Еще сдержи обещание и покажи выпускной макет. – Он явно обрадовался.

– Упавшие на асфальт крылья означают, что всем пора перестать витать в облаках. – Он кивнул в ответ. – Мужчины катят земной шар. Пора действовать, работать над собой. И слоган «Изменяйся активно!»

– «Пепси» при чем?

– Содержание каких-то химических элементов способствует увеличению энергии.

– Прикольно.

Он был прав. Я иногда так говорю, когда смотрю на что-нибудь, что мне не нравится или чего я не понимаю, не нахожу других слов. Похоже на ситуацию, когда на вопрос «как на мне сидит новая вещь» отвечаешь «нормально». Никого не обижаешь, но и не пышешь восторгом. Человек чувствует неладное. Он горит желанием услышать «тебе идет», «прекрасно» или самый ценный комплимент: «Где продается, тоже хочу». В этот раз тебе не удалось уловить в его ответе нежелание обидеть и тебе даже хватило смелости продемонстрировать свой выпускной макет. Помнится, мне повезло его увидеть, только когда прошло несколько месяцев после нашего знакомства. Или ты ему доверяешь больше. Или вы близко знакомы дольше.

– Ты знаешь Давыдову? – Константин принял инициативу на себя.

– Да, из второго отдела. Она перьями пыталась упаковки «Олвейз» украшать?

– Да, да, – разразился он смехом. – Чтобы ассоциировались с легкостью! Особенно после применения!

– Хорошая гигиена – перед использованием поковыряться в курином пухе!

– Я ее уволил. Не за перья, конечно. Постоянно опаздывает, болеет, просит повышения. Ничего не делает. Взял и уволил.

Непонятно, зачем он про все это рассказывает, но твоя просветленная, одобрительная улыбка озарила лицо. Так вы еще около часа бойко обсуждали коллег и подчиненных.

Говорун забавляется брызгами слов, сбивается с мысли, краснеет, находит новую и опять бодр и весел. Мелкими передними зубками он вкрадывается в собственную память и клочками и тряпками выгребает заброшенный в ней мусор историй. Тормошит его, будто взбивая подушку, выбирает удобную позу и стучит без остановки клавишами языка. Впечатлением ложится его умный и проникающий взгляд, наполняешься теплом, нежно киваешь и поддакиваешь, как намагниченный гипнозом пациент психотерапевта, почти посвящаешь очередную влюбленность. Завидуешь трезвой осознанностью и полнейшей добротой его талантам, упрекаешь себя за их онемение. Сначала обдумываешь его слова, тщательно их пережевывая, после уже проглатываешь целыми ломтями. Вот молодец! Ведь душа компании! Тень фокусника! В очередной раз соглашаешься, мысли резко возвращают назад, прокручивая отрывок монолога. Пойдите, но разве..? Пускай уж, правда... И следующий общеизвестный факт, чуть ли не из учебника для шестого класса, не совпадает с действительностью. Вы, оказывается, лгун? Вы лгун, голубчик! Позорный лгун!

Мне порядком надоело.

- Чаю?
- Нет, я пойду. – С надеждой он посмотрел на тебя.
- Еще полчаса, и поедешь, – прозвучала твоя попытка продлить мою скуку.
- Уже поздно, мне завтра рано вставать, – пришлось врать.
- Очень гостеприимно! Ставь чайник!
- Нет, спасибо за все.

Мне досталась роль клоуна, выносящего слезливость ситуации и посуду. Когда Костя натянул ботинки, он тихо прошептал:

– До завтра!

Не знаю, почудилось мне тогда или нет, но вы почти или нет поцеловались в губы. Определенно точно знаю, что не хочу об этом думать. Тогда мне не хотелось с тобой разговаривать.

Свет испугал странным сиянием с высоты своего истока – Солнца. Потянулись тысячами голодные и прожорливые лучи – дети южного июля. Они, любопытством изможденные, заглядывали в потаенные уголки царства тени. То был поздний рассвет, и встретиться с ним удавалось немногим. Топорщились спутанные ресницы вновь проснувшихся, их же руки под прозрачной струей водопроводного крана смывали с мятого лица ночной пот.

В городских кухнях самый большой, но незаметный и умный предмет – окно. Глупее всего и бесполезней не встречался мне на земле другой предмет – единственное в комнате окно, покрашенное темной масляной краской. Словно прячется его хозяин в известной пещере и не совсем понимает, что электрическое сорокаваттное солнце не заменит оригинала. Может, всего-навсего у человека нет иного места, чтобы поставить массивный шкаф, набитый приобретениями длиной в жизнь. Столько их накопилось, что не извлечь уже собственный нос из хлама прошлого, все глубже тонет он в нем, и ужас охватывает, когда наступает вечный мрак в жилище. Нет, представить трудно, как по однозначной идее и с исключительной целью мученик возвращается домой с банкой краски, начисто вымывает стекло, протирает рамы, нежно держит в сильной руке мягкой шерсти кисть, окунает ее в серую жижу и делает первый мазок. После, когда работа окончена, довольно потирает руки, переполняясь чувством достоинства оттого, что цель достигнута, свет сжит со света. Теперь, может, маляр ненавидит из-за этого человечество, замышляет устроить ему подобное лишение. Сейчас он, скорее, опасен, чем обычно. Впрочем, жизнь иногда заставляет отдавать лучшее и единственное.

К счастью, у большинства окна имеются. Но постепенно они превращаются в неинтересные украшения. Часто человек прикасается к чайнику, к ручке холодильника, садится за стол, начинается процедура намазывания масла на ломтик несвежего хлеба. И только сонные уголки глаз произвольно направлены на окно, на совсем еще юный рассвет, на свет. Все остальное унывает во тьме мыслей о предстоящем дне.

Небо режет глаза ясностью. Такое огромное, оно помещает на свою неуловимую поверхность и тучи под левой лопаткой – в Европе, и еле видимые облака на башмаках – в Австралии, и снег на волосах – в Антарктиде, и звезды в правой ладони – в Америке. Лоб, ум, голова ясны – над Россией безупречное лето. Подношу ко рту коричневатый кипяток – обжигаю небо. Провожу языком и ощущаю его ребристость. Есть уже не хочется, но больше делать нечего. Продолжаю смотреть в окно, контролирую послушный рассвет. Хотя он отлично выполняет свое дело: никогда не отлынивает от работы, приходит вовремя. Когда чувствует, что жизненно необходим людям, особенно весной, начинает приходить раньше, летом постепенно убавляет свой рабочий день, зимой подрабатывает в каком-то другом месте, поэтому приходит поздно. Я его не виню. Ему надоедает делать одно и то же круглый год вот уже несколько миллионов лет.

Интересно, случается ли когда-нибудь такое, что два близких человека делают одновременно одно и то же, при этом находятся они на внушительном расстоянии друг от друга. Напри-

мер, я сейчас вижу, что творится на улице. В этом мне помощником выступает окно. Там ясно, а вчера был дождь. Кусочек неба всегда есть у каждого человека. Небо объединяет. Оно общее для всех, одинаково красиво для всех, одинаково ласково и нежно для всех. Я думаю об этом и о тебе. Может, и ты сейчас стоишь возле больничного окна и разглядываешь шарики облаков. Хочешь, я отодвину их для тебя, чтобы лучше рассмотреть желтое солнце. Целиком. Или ты покажи мне небо. Подари мне небо. Целиком.

Никакого неба сегодня мне не подарили, впрочем, не подарят никогда. В больнице мне преподнесли твой скучающий взгляд и, как часто происходит, надежду.

– У тебя еще кто-то бывает? – подсказали мне свежий букет и ваза с фруктами в твоей палате.

– С работы активисты приходили. Убери все. Ненавижу запах лилий, мне кажется, он сожрет меня. Фрукты отдай на кухню. Или возьми домой. Тошнит от них.

– О чем разговаривали?

– В офисе все по-прежнему. Мне еще долго здесь торчать?

– Не знаю, – прозвучала улыбчивая ложь. – Потерпи.

– Не могу. Почему Костя не приходит?

– Времени, может, нет. Прислал же делегацию, значит, помнит.

– Сходи к нему. Спроси, не заменили ли меня.

– Ладно. Что тебе принести?

– Себя. Только скоро. Воняет. Хочу домой. В тепло.

– Разве здесь холодно?

– Нет человеческого тепла. Инвалиды не согревают друг друга. Они завидуют тем, кто меньше их пострадал.

– Глупости. Ты тоже завидуешь?

– Да, тем, кто умер.

– Я не смогу без тебя.

– Знаю. Считать себя мешком невыносимо.

– Ты не мешок.

– Тебе же тяжело со мной?

– Нет.

– Легко? Значит, легко! – Твоя отрывистая речь превращалась в вопль. – Разве не хочешь объятий и поцелуев? Разве не хочешь ощущать, как под нами рвутся простыни?

– Хочу.

– А я не могу! Слышишь, не могу! И никогда не смогу!

На крик прибежали медсестры. Отодвинули меня к выходу. Воткнули в тебя шприц. Наш плач стих. В коридоре меня встретил доктор Лейн, подтолкнул в спину в свой кабинет. Хотелось послать его еще дальше, чем самое далекое место. Холодная рука страха и сомнений надела на мое горло ошейник. Стало трудно дышать. Ноги ослабели. Стена опустила меня на пол. Руки зажали глаза. Казалось, что ладони, давно пропитавшиеся слезами, пропускают влагу. Эдуард Прокофьевич меня крепко обнял.

– Хорошие новости, – продолжил он уже в кабинете. – Лечение прошло более чем успешно. Через неделю можете забирать домой.

– Зачем? Человек без движения?

– Не перебивайте. Вы правы. Если выписать сейчас, то, скорее всего, движения никогда не будет. Доктор Плешин, выдающийся нейрохирург, согласился провести операцию. У него есть все необходимое оборудование и медикаменты. Он всех ставит на ноги. А наш случай не самый худший. Раны заживают с удивительной скоростью.

– Двигаться? Можно ли будет жить прежней, нормальной жизнью?

– Через несколько месяцев будете заниматься пятиборьем в атлетическом зале, уверяю вас!

– Это самое главное. – Умелая надежда доктора светилась сквозь оголенные зубы.

– Дело остается только в принятии решения.

– О чем вы?

– О деньгах. Операция назначена на конец сентября. Если в течение семнадцати дней вы не заплатите, ее отменят. Без Плешина шансы равны нулю. Надеюсь, вы помните о задолженности?

– Да, конечно. Половина месяца – слишком маленький срок.

– Все в ваших руках. Я вас предупредил. Ювелирную работу никто не будет делать бесплатно. Торопитесь.

Действительно, новость хорошая. Но где взять деньги? За все время твоего нахождения в больнице сбережения иссякли. У меня денег давно не водилось. Твое упорное отрицание моих прошлых занятий заставило меня по-настоящему полюбить безделье. Назад в темные тоннели, подрывные под правосудие, не хотелось. Работу, которая быстро покрыла бы все наши расходы, не найти. Отзывчивые бескорыстные помощники – вот кто нам нужен. Последнюю твоей просьбе. Схожу к Константину. Возможно, этого дружка все еще интересуется твоя жизнь. Добьюсь справедливости. В конце концов, я имею на это право.

– Спасибо, доктор. Не отменяйте операцию. Я найду деньги.

– Вот и замечательно. Удачи вам!

– Да, и уберите из палаты цветы и фрукты, нас от них тошнит.

Травля, за которую платят хорошие деньги, привела тебя в больницу. Вдали мигает радость возвращения. Невидимая стрелка приводит меня в аккуратно сложенные кирпичики твоего офиса. Скорый лифт – гроб с пультом управления – зовет ввысь. В выси открываются двери. Летучие мыши в галстуках разносят договоры, контракты, почту, кофе и пищу. Всем распоряжается жирный кот. Мыши не подлетают к нему близко потому, что в таких случаях он размахивает когтистой лапой и пронзительно рычит. Только бюстоногий секретарше Галочке разрешено носить ему свежие булочки и новости. Подхожу к ней. В глаза падает отблеск настольной лампы, отраженной от длинной маникюрной пилки, подравнивающей ноготь на указательном пальце. Важное дело в крупной рекламной компании иногда чесать за ушком у босса, чтобы сменить его рык на мяу.

– Он будет занят до конца недели. Приехали гости из Бангкока, и он руководит новым проектом.

– Ему разве не все равно, кто зарабатывает для него деньги?

– Нет. В Бангкоке пройдет его свадьба. А проект он не может никому поручить. Единственный человек лежит в больнице.

– Понятно. – Нужен именно он. Придется найти способ с ним встретиться. – Как раз об этом человеке я собираюсь с ним побеседовать.

Галочка нажимает кнопку, и слышится голос Кости. Без разрешения иду в твой кабинет. Сажусь за стол. Вижу свою фотографию. Предстоял трудный разговор. Мозговые шестеренки закрутились.

Галочка пригласила меня в кабинет Кости. В комнате было просторно. Массивность мебели продолжала хозяйскую целеустремленность. Белая с золотыми полосками дверь выходила на запад. В юго-восточном углу зеленел шахский сад. Листья фикусов и суккуленты отражали свет. В тени от электричества приятно журчал фонтан-мельница. Поверхность стола из дубового дерева не заставлялась ничем лишним: несколько папок, ноутбук, пенал-пирамида. За спиной высились масляные горы неизвестного художника. На книжном шкафу квакала жаба

с монетой во рту. Самоуверенное успешное осуществление карьерных планов сейчас улыбалось, протягивая мне руку. Значит, у эгоистов-трудооголиков глубоко зарыт страх падения с лестницы пота, слез и унижений. Защищаясь бездушием божков, задними лапами кот наступал на горло подчиненных, а передние складывал в молитвенном жесте перед непокоренными веками силами.

– Да, я слышал, – спокойно отреагировал он на мой рассказ о том, что ты в больнице. – Надеюсь на скорейшее выздоровление. Человек, которому нет равных и кто отлично во всем разбирается, не на рабочем месте.

– Операция и лечение дорого стоят. Может, компания в качестве исключения выделит некоторую сумму незаменимому сотруднику?

– Незаменимых нет, вы сами прекрасно знаете. У меня скоро свадьба. Все свободные средства мы направили на нее. Боюсь, я ничего не смогу сделать.

– Понимаю, свадьба – важнейшее событие. Но не важнее человеческой жизни.

– Увы. Все счета оплачены. Даже если бы я мог все расторгнуть. – Кот клацнул зубами после широкого зевка. – Я бы не стал этого делать. Через месяц или два придут деньги от нового проекта. Тогда и поговорим. Всего доброго.

Меня словно выставили за дверь. Унизительный поход оказался бесполезным. Предстояло придумать другой способ найти средства. На улице стоял его вылизанный черный «крайслер». И случай, сломавший деревянную раму табачной будки поблизости, привел в этот час суетливого плотника с набором инструментов, среди которых нашелся ящик с гвоздями. Случай же незаметно схватил самый острый и длинный и ткнул в заднюю крышку авто. Она шипела что-то проходим, занятым своими мыслями, но меня не предала.

У Черепахи, как всегда, тихо. Слышны лишь легкие шевеления Кеши за занавеской. Птица наводит ежедневный порядок в многочисленных перышках салатного цвета, некоторые из них нещадно выдергивает, оставшиеся разравнивает клювом. В палате совсем темно, только тусклая лампа освещает холст. Забравшись с ногами на постельное покрывало, наблюдаю за затылком Черепахи. Художник наклоняется вперед, чтобы проследить количество краски на палитре, отъезжает на кресле назад, контролируя мазок. Если доволен, одобрительно кивает, если не удовлетворен результатом, слабо поворачивает голову. Кисть то прочно прилипает к картине, то скачет на одном месте, то повисает в воздухе, то плюхается в баночку с водой, окрашивая ее в свой цвет, который все равно станет черным.

Вообще Черепаху никогда не учили рисовать. Это каприз, услуга, которая охотно прощается одиночеством инвалида. Получается совсем неплохо. На выставки, конечно, такое не отправить, и купить не всякий согласится, но определенный талант наблюдается. Его бы развить, а некому, никто не придает этому увлечению большого значения. Рисовались обычно деревья. Разные деревья из больничного сада. Или несколько деревьев. Часто начинались рисовать дети, но из-за их непоседливости начатое никогда не завершалось. Сегодня же вполне удачный портрет в полный рост помидорно-красного карапуза, который пытается вскарабкаться на футбольный мяч. Шар вертится, скользит под мягким телом младенца, ему никогда не суждено одолеть игрушку. Черно-белые пятна раздражают взгляд, а нетерпение малыша умножается в зрителе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.